

Маркевич Болеслав Михайлович

**Полное собрание сочинений Б.М.
Маркевича**

Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Б79

Б79 **Болеслав Михайлович М.**
Полное собрание сочинений Б.М. Маркевича: Том 3 / Маркевич Болеслав Михайлович –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 410 с.

ISBN 978-5-519-95436-5

ISBN 978-5-519-95436-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО-РОГА.

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО-РОГА.

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ *).

(Посвящается графинѣ Соф. Андр. Толстой).

Poor soul!
Hamlet.

I.

Въ большой осьмиугольной залѣ, освѣщенной круглыми, en œil de boeuf, только-то начисто вымытыми окнами, стояла, наклонясь надъ длиннымъ дубовымъ столомъ, занимавшимъ всю средину покоя, красивая, статная дѣвушка. Разбиваясь о широкіе переплеты оконъ, багровые лучи заката играли причудливыми бликами въ складкахъ широкихъ, узорно расшитыхъ рукавовъ ея бѣлой, украинской рубахи, скользили по ея смуглой, полной шеѣ, и, словно нить расплавленного золота, вились по лоснящимся изгибамъ темной, небрежно свитой въ переплетъ, съ пунцовой лентой, длинной и тяжелой косы, которую дѣвушка нетерпѣливымъ движеніемъ руки только-что перекинула себѣ со спины на грудь. Она стояла повернув-

*) Впервые напечатана въ первыхъ трехъ книжкахъ „Русскаго Вѣстника“ за 1873 годъ. Въ слѣдующемъ 1874 году книгопродавецъ-типографъ М. О. Вольфъ издалъ въ трехъ томахъ, подъ названіемъ: „На поворотѣ“, „Забытый вопросъ“ и „Марину изъ Алаго-Роба“ и напечаталъ эту „Современную быль“ въ первомъ томѣ своего изданія.

пись отъ солнца и, упираясь обѣими ладонями о столъ, провѣряла глазами по лежавшему предъ ней каталогу длинный рядъ томовъ дорогихъ, преимущественно англійскихъ изданій, сейчасъ разобранныхъ и уставленныхъ ею въ порядкѣ. То были недавно прибывшія книги, какъ можно было заключить по большому деревянному ящику, стоявшему тутъ же на свѣже-навощенномъ паркетѣ, и по цѣлому вороху разорванныхъ листовъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыя онѣ были тамъ обернуты. Дѣвушка полугромко читала ихъ названія, произнося англійскія слова какъ французскія, и при этомъ догадливо сжимала свои густыя брови, сознавая чутъемъ, что произносить не такъ...

— *History of Greece, by George Groot esq.*, читала она, — двѣнадцать томовъ. Всѣ. *Pauperism, its causes and remedias prof...* то-есть *professors*, значить Fawcet. Одна толстая книга. Тутъ. *Dissertations and discussios...* J. S. Mill... Ахъ, это вѣрно сочиненія знаменитаго Милля! съ какою-то ребяческою радостью воскликнула она.

— Чтò, готово? раздался за нею хриплый, но громкій голосъ, и, мягко вступая по протянутой изъ сосѣдней комнаты холстяной дорожкѣ, вошелъ въ залу плотный, рослый и лысый какъ колѣно мужчина лѣтъ пятидесяти, во фракѣ и лѣтнемъ желтоватаго колера платѣ на шеѣ. Это былъ Іосифъ Козьмичъ Самойленко, глиняскій землевладѣлецъ и главноуправляющій малорусскими имѣніями графа Владиміра Алексѣевича Завалевскаго, котораго съ минуты на минуту ожидали въ Аломъ-Рогу, мѣстѣ настоящаго нашего разсказа.

— Вотъ вы мнѣ никогда не хотѣли нанять англійскаго учителя, молвила вмѣсто отвѣта дѣвушка, не оборачиваясь и перелистывая взятый ею со стола томъ Милля, — изъ десяти фразъ девять не понимаешь... срамъ просто!...

— А ну тебя съ англійскимъ учителемъ! гнѣвно капнула Іосифъ Козьмичъ. — Спрашиваю: убирать это можно?

Онъ толкнулъ ногой въ пустой ящикъ.

— Можете, все также не отрывая глазъ отъ книгъ отвѣчала она.

Іосифъ Козьмичъ захлопалъ въ ладоши. Двое чисто одѣ-

тыхъ, но довольно растрепанныхъ слугъ выбѣжали изъ передней.

— Танцуйте вонъ... Да не такъ, стой! Эка порода-то си-волапая! На руки подымай, дурачье! Вамъ вѣдь, ерепей вы вислоухіе, что мазаный полъ, что паркетъ тысячный—одинъ чортъ!... суетился и ругался господинъ Самойленко.

— Грубо и несовременно! громко замѣтила дѣвушка, приподымая плечи, между тѣмъ какъ „вислоухіе ерепей“, нескладно переплетая ноги и тѣсно прижимаясь боками къ сторонкамъ тяжелаго ящика, выносили его изъ залы.

— Такъ я и посмотрю на твою современность! отгрызся Іосифъ Козьмичъ, медленно шагая за ними и не покидая ящика озабоченнымъ взглядомъ.

— *Ceschichte der neuen Philosophie* von Cuno Fischer, продолжала читать дѣвушка, слѣдя за числомъ книгъ по каталогу.—Есть. *Parerga und Paralipomena*, von Arthur Schopenhauer, два тома. Тутъ. *History of civilization in England* by Thomas Buckle. Она прочла „Бюкль“—и вдругъ догадалась.—Ахъ, Боже мой, да это *Бокль*! Бокль въ оригиналѣ! повторила она съ торжествомъ, и на ея крупныхъ и какъ снѣлая вишня алыхъ губахъ сложилась мгновенно полуудивленная, полупрезрительная улыбка. Въ ея понятіяхъ Бокль былъ *такая современная и передовая книга*,—сама она впрочемъ никогда не могла осилить „эту книгу“,—что она никакъ не могла себѣ ее представить въ рукахъ заскорузлаго аристократа и капиталиста, какимъ несомнѣнно долженъ былъ быть этотъ *противный графъ*, у котораго въ одномъ ихъ уѣздѣ тридцать тысячъ десятинъ земли и три каменные *дворца*, какъ говорятъ въ ихъ Сѣверской сторонѣ крестьяне... А между тѣмъ нельзя было усомниться, что „этотъ Бокль“ принадлежалъ тому самому графу: она сама вытащила эти два толстые тома вмѣстѣ съ другими изъ ящика и, какъ Пушкина Татьяна, могла даже замѣтить на поляхъ ихъ „слѣды его карандаша“... Она еще разъ дернула плечомъ и равнодушно зѣвнула...

— Что же, онѣ тутъ лежать останутся, или на полки ихъ уставить? спросилъ, возвращаясь изъ передней, Іосифъ Козьмичъ, указывая на книги толстымъ перстомъ, на которомъ

блестѣлъ огромный сердоликовый перстень съ вырѣзаннымъ на немъ гербомъ древняго рода Самойленковъ.—Какъ по-вашему современнѣе, Марина Осиповна? примолвилъ онъ, уже подсмѣиваясь.

— Какъ хотите... Вотъ здѣсь свободно, отвѣчала она, обводя глазами залу, всѣ простѣнки которой заняты были полками огромной старой библіотеки Завалевскихъ, и оставливая ихъ на одномъ пустомъ мѣстѣ.—Только, если уставлять, — позовите кого-нибудь: я свое дѣло сдѣлала и устала ужасно...

— А пусть себѣ на столѣ останутся, рѣшилъ Іосифъ Козьмичъ,—самъ пріѣдетъ, куда захочетъ, туда и ткнетъ... Только чтò-жь его нѣтъ до сихъ поръ?—Главнѣеуправляющій вынулъ часы.—Поѣздъ приходитъ четвертаго въ половинѣ, а теперича восьмой въ началѣ; неужто-жь имъ 25 верстъ нужно тащиться четыре часа? Собственныхъ своихъ саврасыхъ подъ него послалъ съ Лаврентьемъ... Человѣкъ непьющій... Развѣ самъ не пріѣхалъ, а заставилъ меня даромъ во фракъ нарядиться? Отъ такого шлопуга и этого неуваженія, пожалуй, ожидать можно! фыркнулъ въ заключеніе господинъ Самойленко, надменно выпучивая впередъ животъ свой.

— Откудова писалъ онъ, что пріѣдетъ? спросила Марина.

— Изъ Санктъ-Петербурга, и въ письмѣ акуратно обозначилъ день и часъ...

— Такъ онъ въ Петербургѣ теперь живетъ? перебила его дѣвушка.

— А кто его знаетъ! Предпоследнее письмо изъ Лондона было... А предъ тѣмъ годъ ровно не писалъ ничего. А въ позапрошломъ годѣ изъ Америки получилъ я отъ него цыдулку: выслать ему двѣнадцать тысячъ въ Парижъ.

— Онъ и въ Америкѣ былъ? воскликнула дѣвушка.

— А тамъ бы ему и оставаться! прорвался на это вдругъ Іосифъ Козьмичъ.—На чтò ему сюда пріѣзжать? Только путать станетъ да мѣшать.

Господинъ Самойленко не договорилъ, но его раздувшіяся ноздри и поджатые губы говорили достаточно о досадѣ и глу-

бокомъ безпокойствѣ, которыя причинялъ ему этотъ неожиданный прїѣздъ его патрона.

Упершись головой на обѣ руки, дѣвушка внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица, и странная улыбка блуждала на складкахъ ея рта:

— Какъ же онъ вамъ мѣшать будетъ, сказала она, — когда онъ совсѣмъ не реальный человѣкъ и никакой практической почвы подъ нимъ нѣту?

— Да, толкуй себѣ — практической почвы нѣту! качнулъ головой Іосифъ Козьмичъ. — Всѣ они теперь за практику взялись, какъ и половины у нихъ прежнихъ доходовъ не стало... Только изъ практики-то этой пока все у нихъ одинъ пшикъ выходитъ, домолвилъ онъ, внезапно хихикнувъ. — Вѣдь прочіа-то имѣнія онъ чуть не всѣ, говорятъ, передалъ какой-то родственницѣ, княгинѣ Солнцевой; остаются у него теперь одни *мои*...

— А на долго ему вашихъ хватить? вдругъ засмѣялась Марина.

Іосифъ Козьмичъ не понялъ и вопросительно обернулся на нее. Но глаза ея были опущены и съ какимъ-то почти печальнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ спросила она:

— Молодъ онъ еще?

— Какое молодъ! Когда я, объяснялъ господинъ Самойленко, — по просьбѣ покойнаго дяди его, графа Константина Владиміровича, вступилъ въ управленіе Алорожской экономіей, — этому теперь двадцать первый годъ пошелъ, — онъ ученіе свое кончалъ въ Москвѣ, въ университетѣ, потому покойный графъ, какъ теперь помню, велѣлъ ему выслать шесть тысячъ на экипировку...

— Такъ онъ теперь ужъ совсѣмъ старикъ?

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ, крикнувъ, Іосифъ Козьмичъ, — а до моихъ лѣтъ, пожалуй, и не такъ далеко ему...

— И такой-же какъ вы... *облмй*? засмѣялась опять Марина, употребляя вычитанное ею гдѣ-то выраженіе, которое ей очень нравилось, и изображая руками по воздуху пространную округлость Іосифа Козьмича.

— Не видалъ я его никогда, а должно-быть пожиже бу-

детъ, самодовольно отозвался господинъ Самойленко,—потому не тотъ ихъ родъ совѣмъ. Я въ дѣда вышелъ, въ генералъ-поручика...

— Опять аристократничать начали, про родъ свой и про дѣдушку генералъ-поручика! насмѣшливо воскликнула Марина.

Злобно взглянулъ на нее господинъ Самойленко, и лысина его мгновенно побагровѣла.

— Ты такъ глупо разсуждаешь, закричалъ онъ на дѣвушку, — потому... потому въ тебѣ кровь... И, какъ бы спохватившись, тотчасъ же мягче примолвилъ: сумбуръ одинъ изъ книгъ-то вычитала!...

— Ничего тутъ книги не виноваты, хладнокровно отвѣчала она, хотя лицо ея мгновенно поблѣднѣло, — а только какъ вы себѣ тамъ ни толкуйте, а все же онъ, каковъ ни есть, *графъ*, а вы его управляющій...

— А мнѣ наплевать на этого графа, совѣмъ ужъ разсвирѣпѣлъ Іосифъ Козьмичъ. — Завтра съ нимъ попрощаюсь, такъ, можетъ, почище его самъ графъ буду!...

Онъ обернулся всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, поймавъ на-лету взглядъ Марины, съ любопытствомъ обращенный къ дверямъ, выходившимъ въ садъ.

Онѣ были раскрыты на половину, и изъ-за нихъ господинъ Самойленко различилъ кого-то ему незнакомаго, подымавшагося по ступенькамъ лѣстницы, что вела изъ сада въ библіотеку.

— Кого вамъ угодно? крикнулъ онъ гнѣвно подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ перемолвки своей съ Мариной.

— Я ищу здѣшняго управляющаго, отвѣчалъ густой и въ то же время мягкій, словно звукъ віолончелевой струны, голосъ, и на порогѣ залы показался человекъ довольно высокаго роста, въ изношенномъ сѣромъ пальто, съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ и густыми, почти совершенно сѣдыми волосами, падавшими со всѣхъ сторонъ большими взъерошенными кольцами.

— Кого вамъ? повторилъ свысока управляющій.

— Осипа Кузьмича Самойленко, отвѣчалъ нововошедшій, подымая на него большіе и усталые, какъ и вся его наружность, глаза.

— І-о-сифа Козь-мича, поправиль его господинъ Самойленко:—онъ передъ вами...

— Ахъ, это вы... я очень радъ, проговориль тотъ, очевидно нѣсколько озадаченный такимъ пріемомъ.—Я... я графъ Завалевскій...

Іосифа Козьмича точно черепицей съ крыши по головѣхватило. Онъ совершенно растерялся.

— Ваше сіятельство, помилуйте, захлопоталъ онъ, прижимая обѣ руки къ груди и топоча на мѣстѣ словно помимо его воли заходившими пятками,—какъ же вы такъ... пѣшкомъ... и черезъ садъ?... За вами послана... четверня, въ коляскѣ... Неужели?...

— Очень вамъ благодаренъ, постѣшилъ сказать графъ, лошади ждали насъ у станціи желѣзной дороги, и мы отлично ѣхали, но тутъ, верстахъ въ четырехъ, на пути, лопнула у насъ шина на колесѣ. Къ счастью, тутъ же недалеко оказалась кузница, куда мы кое-какъ дотащились... Со мною одинъ пріятель ѣдетъ, князь Пужбольскій,—онъ тамъ остался съ людьми, пока наварятъ новую шину, а я предпочелъ дойти сюда пѣшкомъ...

Господинъ Самойленко между тѣмъ успѣлъ овладѣть собою; ему стало ужасно досадно за то невольное овладѣвшее имъ чувство приниженности и страха, которое онъ выразилъ въ первую минуту предъ графомъ, да еще въ присутствіи Марины, и закинувъ голову назадъ:

— Такая непріятность съ каждымъ можетъ случиться, преувеличенно развязнымъ тономъ заговорилъ онъ,—я кучеру своему далъ приказаніе запретъ лошадей въ экипажъ, въ которомъ я ѣзжу самъ, и, конечно... очень жалѣю... но провѣрять крѣпость шинъ не входило въ кругъ моихъ соображеній... и, такъ-сказать, обязанностей...

Іосифъ Козьмичъ остался очень доволенъ этимъ изъясненіемъ независимости своей и достоинства и съ торжествомъ на челѣ покосился на Марину. Но она не глядѣла на него и все въ томъ же положеніи, у стола, упершись головой обѣ руки, съ какимъ-то нетерпѣливымъ любопытствомъ въ заго-

рѣвшихся глазахъ слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Завалевскаго.

А графу понравилась выходка его управляющаго. „Не рабствуетъ по-крайней-мѣрѣ“, подумалъ онъ.

— Мнѣ было бы очень досадно, если бы этого со мною не случилось, весело сказалъ онъ. — Я пошелъ одинъ по дорогѣ... и, вообразите, послѣ двадцати пяти лѣтъ отсутствія, узналъ мѣста, припоминалъ, угадывалъ... Я такъ былъ радъ, — старый дубъ, другъ моего дѣтства, подъ которымъ я заучивалъ *mensa, mensae*, онъ все тутъ, и я — такъ это крѣпко застѣло у меня въ памяти съ тѣхъ поръ, — отсчиталъ 85 шаговъ отъ него до калитки сада. Вышло ровно такъ, улыбнулся Завалевскій, — и такой доброй, сердечной улыбки никогда еще не видала Марина...

— А не изволили вы замѣтить, смягчаясь вдругъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ, — когда вы остановились у кузницы, въ какомъ видѣ былъ кузнецъ?

— Онъ очень мраченъ, сколько я могъ замѣтить, продолжалъ улыбаться тотъ.

— То-то, ненадеженъ, закапризничаетъ случаемъ, такъ и до самой ночи, пожалуй, провозится съ работой... Я лучше отправлю сейчасъ шарабанъ за княземъ, а вещи привезутъ на подводѣ... Вѣдь и люди съ вами?

— Съ Пужбольскимъ его камердинеръ; со мною никого, отвѣчалъ графъ, опускался въ кресло и съ задумчивою улыбкой обводя взоромъ кругомъ себя.

— Я сейчасъ прикажу... И припоминая: — книги ваши прибыли только вчера, сказалъ г. Самойленко, — она вотъ, по порученію моему, разобрала...

Онъ кивнулъ головой на Марину и на столъ съ книгами и вышелъ изъ покоя.

Завалевскій разсѣянно взглянулъ по направленію стола, смутно замѣтилъ женщину, машинально вскочилъ съ мѣста и, пробормотавъ „*mille pardons*“, такъ же машинально принялся торопливо подвизывать распустившійся галстухъ. Но мысли его были далеко; онъ не замѣтилъ ни небрежнаго до невѣжливости поклона, какой сочла обязанностью своею отпустить